

Пьер Рондьер

Сибирь глазами француза

1 . Кто мы и зачем приехали?

Снимать мне еще не доводилось. Так что крещение я принял в группе Жана Лалье, а это не самое плохое начало. Я давно уже был знаком с его «густыми», какими-то очень насыщенными и неожиданными телепередачами. И теперь стечение разных обстоятельств привело меня в его съемочную группу, и притом в Советском Союзе.

Цель? Пятидесятиминутная передача, которую просмотрели бы десять — пятнадцать миллионов французских телезрителей.

За четыре года Жан Лалье, бывший оператор и режиссер-ассистент, в кино сделал около пятидесяти передач — все о науке. Естественно, что и в СССР он хотел остаться в рамках избранной темы, впрочем, достаточно необъятной — от освоения космоса до органической химии, от психологии до математики... Выбирать — значит ограничивать себя; однако Жан Лалье был не в силах устоять перед соблазном: он сделал две передачи, обе о самых животрепещущих аспектах современной науки — «Виза в будущее» и «Вход свободен».

Первая целиком посвящена новосибирскому Академгородку. Вторая, тоже часовая, передача откроет французскому телезрителю двери научно-исследовательских институтов Иркутска, Ленинграда и Москвы. И все за 5 недель, включая разъезды!

Жан Лалье ежемесячно снимает по часовому сюжету. И везде — от предварительного сценария до окончательной разработки, от первого отснятого кадра до того, как лента укладывается в коробку, — всюду присутствует режиссер. Снимать каждый месяц по часовому фильму дано не каждому. Кстати, в Новосибирске мы узнали, что передачам «Виза в будущее» и «Вход свободен» присуждена премия за «самую качественную передачу французского телевидения последних лет».

2 . Поезд времени

Москва — Новосибирск поездом! Единодушное ликование всех восьми членов группы, хотя молва и гласит, что 3 француза вместе — это минимум 3 разных мнения. В мечтах разом встает транссибирская магистраль, самый длинный железнодорожный путь в мире, овеянный ореолом приключений, первозданной поэзией Сибири... Эта мечта сохранилась до седеющих висков, может, потому, что у нас во Франции больше, чем на сутки, не наездишь. Ветер дальних странствий свистит в ушах уже на вокзале, когда, задрав носы, мы читаем по складам (ох, уж эта славянская азбука!): «Мур-манск», «Вла-ди-во-сток»... Ну и страна!.. Во сколько раз больше Франции? ...В 40.

Из соседнего купе приходят четверо геологов с еще гладкими щеками, которым предстоит через несколько месяцев таежной жизни обрасти — двоим по крайней мере — рыжими бородами. С бутылкой водки в одной руке и с огурцом в другой, они вошли в нашу группу как стародавние знакомые, тут же приобщив нас ко всей

широте русского гостеприимства. Что было сказано в эту первую ночь, толком неизвестно: разговор складывался из пестрой смеси русских, французских и английских фраз, народных песен, самозабвенных хлопков по плечам и кашля геологов, чьи гортани не выдерживали французских «голуаз» — излюбленных наших сигарет с черным табаком.

Жан Лалье избрал транссибирскую магистраль не только чтобы увидеть наяву грезы детства*: этого требовала сама передача. Конечно, можно было бы рассказать о науке и о людях науки, смонтировав куски хроники, коей всегда в избытке, и приправить все многозначительным и ни к чему не обязывающим текстом. Жан Лалье решил дать слово самим ученым, не навязывая свое стороннее (а следовательно, всегда профанированное) суждение. Я вспоминаю сейчас его телефильм об электронике, построенный на параллели между действием человеческого мозга и электронной моделью. Фильм заслужил множество похвал со стороны ученых. Он показал, как электронные приборы заменяют человека в логических операциях, давая ему тем самым возможность сосредоточить мыслительный аппарат на задачах высшего порядка. Это был холодный душ для поборников обесчеловеченного футуризма.

Сложность задач рождает потребность в новой синтетической форме. Например, текст и изображение, считает Жан Лалье, нужно «сталкивать лбами». Как всякий контраст, это дает сильный эффект. Скажем, голос ученого, рассказывающего о какой-то проблеме, накладывается на изображение возможных последствий открытия или реальностей, существующих сегодня. Поезд, мчащийся сквозь немыслимые пространства Сибири, тоже должен стать составной частью картины об ученых Академгородка, чтобы подчеркнуть размах исследовательских работ и сложность стоящих перед учеными задач, помноженных на расстояния. И вот в вагон-ресторане рокочут камеры, и я начинаю свой рассказ о Сибири, куда еду в четвертый раз, о ее настоящем и прошлом, а главное, о будущем; под аккомпанемент колес, под любопытными взорами меднолицых сибиряков и хорошеньких официанток мы помещаем Академгородок в пространстве. Теперь предстоит еще поместить его во времени. Без суеты и толкотни.

Уже четыре года группа работает в одном составе: режиссер, сценарист, ведущий, ассистент, два оператора, звукооператор, осветитель. Все вместе они делали передачи о научной работе в Англии и Габоне, в Штатах и Израиле, в Ливане и Бразилии... Группа сработалась, как пальцы одной руки.

3 . Когда поют академики

В Академгородок мы приехали в три часа ночи, а в одиннадцать утра нас уже принял научный совет, где и был уточнен подробный план действий. «Да здравствует оперативность», — напевал довольный Жан Лалье. Ничему не удивляющиеся ученые, правда, были несколько смущены, узнав, что мы намерены отснять все за 10 дней. Дело в том, что незадолго до нас тут снимала другая группа западного телевидения — страну я, пожалуй, называть не стану, — которая делала тот же часовой сюжет 45 дней.

«Они действуют по-другому, — объясняет Жан Лалье. — Их режиссер остается на месте, рассылает во все стороны съемочные группы, и они привозят материал, из которого монтируют фильм. Естественно, группа снимает в четыре-пять раз больше, не зная, что нужно и что войдет в окончательный вариант».

В университете Академгородка, пока ректор показывает нам главное здание, окруженное деревьями и нетронутым лесом,— пейзаж, который бы так пришелся по душе Прусту,— Жан Лалье кивком головы, несколькими словами, рукой указывает ассистентке Монике, какие планы будут сниматься днем: с верха большой лестницы — вход и выход студентов, из окна — боковой вид зданий на фоне леса, в аудитории с последнего ряда — кафедра, в лаборатории сверху — приборы... За два часа благодаря любезности ректора режиссер уже набросал схему.

Во время синхронных съемок — когда одновременно с камерой работает звукозапись — группа разворачивается, как полк на параде. Если надо втащить треногу на третий этаж, режиссер, не колеблясь, хватается ее и тащит. Сложные движения напоминают магические заклинания какого-то волшебного обряда.

Ученые Академгородка — понятливые, увлеченные, остроумные, такие душевные люди. Академик Соболев отложил ради нас в сторону неотложные дела. Профессор Ляпунов, член-корреспондент Академии наук, математик, владеющий французским языком не хуже, чем родным русским, блестящий собеседник, тонкий знаток Сибири, трогательный в своей нежности и неистовый в размахе мысли, точный в определениях и поистине универсал в вопросах культуры, настолько проникся дружеским уважением к тому, что мы делаем, что сам во что бы то ни стало хотел нам помочь развертывать и свертывать 400 килограммов нашего снаряжения, так что пришлось вырывать у него из рук какой-то ящик. Вся наша признательность и уважение — дорогому профессору, которого мы теперь будем вспоминать всякий раз, когда речь пойдет о новом городе ученых в глубине Сибири. Так же, как с парнями-геологами в поезде, мы сидели с выдающимися мыслителями — Соболевым и Ляпуновым — у камина и вместе пили за прогресс науки, а после пели народные песни, русские и французские.

За десять дней все было сделано. И, по-моему, неплохо. Возможно, советские телезрители смогут в этом убедиться: Жан Лалье должен прислать готовый фильм в Москву после показа его в Париже.

У нас не было времени для коллекционирования эмоций. Но общее впечатление резюмировал Жан Лалье в блокноте вашего корреспондента:

«Друзьям-читателям нового журнала „РТ“. Три недели, которые я провел в СССР, позволили мне убедиться в том, что промышленность, наука находятся в вашей стране на высоком уровне. Советские люди показали себя в нашей повседневной жизни прекрасными спутниками, с горячим сердцем и непосредственной дружбой. Спасибо им от всего сердца! Мы обязательно вернемся! Жан Лалье, режиссер».

(Текст приводится по книге:

Алексей Андреевич Ляпунов / Редакторы-составители Н. А. Ляпунова, Я И. Фет. - Новосибирск: Филиал «Гео» Издательства СО РАН, Издательство ИВМиМГ СО РАН, 2001)